

ПРАКТИКА

ЗАБАСТОВКА ПРОФСОЮЗА ПРОФЕССОРОВ КВЕБЕКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОНРЕАЛЕ (UQAM)

Давид Мандель

Мандель Марк Давид - доктор философии, преподаватель политологии в Квебекском университете в Монреале. Во время забастовки он был членом расширенного профкома и председателем комитета пикетирования.

Забастовка профессоров¹ Квебекского университета в Монреале, продолжавшаяся семь недель и закончившаяся 24-го апреля 2009 г. значительной, хотя и частичной, победой – является, к сожалению, слишком редким событием

в современном Квебеке, да и в Северной Америке в целом. Стоит, поэтому, остановиться на этом конфликте, чтобы изучать, какие уроки могут для себя из него извлечь другие профсоюзы.

Неблагоприятная обстановка.

Прежде чем говорить о результатах забастовки надо отметить, что объективная обстановка не представлялась благоприятной для забастовки и тем более для победного её исхода.

Несмотря на сложившееся мнение о профессорах как о критически мыслящих людях, они (за значительными все-таки исключениями) представляют собой вообще довольно консервативную социальную группу в отношении господствующей идеологии. Интеллектуальная жизнь общества подвержена сильному влиянию соотношения классовых сил, и за последнюю четверть века это соотношение в Квебеке сильно сдвинулось в сторону капиталистического класса. Редкие профессора в наши дни занимают диссидентские позиции по отношению к установленному порядку или проявляют активную приверженность интересам трудящихся. Кроме того, сама профессия профессора, по крайней мере в современном капиталистическом обществе, поощряет индивидуализм, конкуренцию между коллегами, мощное стремление к личному признанию.

Ряд других факторов также препятствовали преобразованию профессоров в боевых забастовщиков. Хорошо оплачиваемые по сравнению с массой трудящихся и занимающие довольно престижное положение в обществе, они в своей трудовой деятельности пользуются редкой мерой автономии и даже властью – властью по

¹ В Канаде все постоянные преподаватели вузов называются «профессорами».

отношению к студентам, ассистентам, секретарям. Квебекский университет в Монреале был основан в 1969 г. в период мощного подъема национальной и рабочей борьбы (в начале 70-х гг. Квебек занимал первое место в мире по количеству рабочих-дней на душу населения, потерянных в забастовках). Одна из последствий этой борьбы - значительная степень самоуправления или совместного управления профессоров с администрацией в этом университете. Конечно, это не упало как подарок с неба. По этому вопросу профессора провели в 1976 г. победную четырехмесячную забастовку (единственную на самом деле до забастовки 2009 г.). В этом университете общие собрания профессоров кафедр на практике нанимают новых сотрудников; они оценивают периодически работу своих коллег; они же рекомендуют повышения их в должности. Вся академическая сторона университета управляется выборными представителями профессоров совместно с администрацией. Профессора даже избирают ректора, хотя он официально назначается правительством провинции, и они также представлены меньшинством в административном совете (правлении) университета.

Эти меры автономии и участия в управлении несомненно являются положительными факторами для трудовой деятельности профессоров и для университета в целом. Но они в то же время могут подорвать сознание о противоречивых интересах, которые разделяют профессоров и администрацию и тем самым подорвать и отожествление профессоров со своей коллективной организацией, со своим профсоюзом.

Срок последнего договора профессоров истек в мае 2007 г., и профсоюз тотчас же представил администрации свой проект для его обновления. Но вскоре после этого разразился крупномасштабный финансовый кризис: администрация, как выяснилось, ввязалась в авантюру с частной фирмой, надеясь найти способ финансировать строительство дополнительной площади для университета. Это не было сделано в корыстных целях, а как ответ на острую нехватку площадей и отказ правительства адекватно финансировать новое строительство. Но в результате у университета создался долг почти на \$400 миллионов. Тем временем, правительство, согласно своей политике применения усиленной бюджетной дисциплины бюджетным учреждениям, придержало \$65 миллионов из ассигнований, предназначенных для функционирования университета за 2005-08 годы до тех пор, пока университет не сумеет доказать, что он может вернуться к сбалансированному бюджету. (В Канаде основное финансирование университетов составляют регулярные правительственные ассигнования, а также плата студентов за обучение. Но последняя является самой низкой в Северной Америке, благодаря активному сопротивлению студентов, проявляющемуся в довольно частых забастовках). Нехватающие деньги от выплаченных правительством ассигнований университет должен был взять в кредит у банков для

продолжения своего функционирования.²

К осени 2008 г., после ясного обозначения в отчете Счетной палаты провинции собственной роли правительства в финансовых трудностях университета, оно, наконец, согласилось взять на себя долг по недвижимости и перечислить университету удерживаемые до тех пор ассигнования. Несмотря на это, администрация университета, вслед за Министром образования, продолжала настаивать на строгой финансовой дисциплине, что обозначало сокращения программ и обслуживающего персонала. Хотя новый ректор признал, что университет страдает от хронического недофинансирования по сравнению с другими вузами провинции, он отказался просить у правительства увеличения ассигнований, объясняя, что Квебекский университет в Монреале должен «проявить свою ответственность перед своими партнёрами», то есть, как он себе представлял, перед правительством и деловыми кругами, но никак не перед работниками университета и его студентами.

С преодолением финансового кризиса университета связанного с недвижимостью (но не его политических последствий), ранней осенью 2008 г. разразился общий финансовый и экономический кризис в мире, принесся Канаде дефициты госбюджетов, рост безработицы, и давление на зарплаты в сторону их уменьшения. Словом, ситуация не была благоприятной для требования дополнительного финансирования от государства, и особенно для увеличения зарплаты и для найма дополнительных профессоров - главных требований профсоюза. (Тут надо объяснить, что до 70% курсов первой степени в этом университете ведут преподаватели, нанятые по срочным контрактам, заключенными для каждого отельного курса. Это - система дешёвого, нестабильного труда. Контрактники состоят в отдельном профсоюзе от профессоров.) Еще в декабре 2005г, когда финансовая ситуация провинции была хорошей, правительство без малейших колебаний односторонне навязало указом своим 400.000 работникам условия труда и зарплаты на уровне гораздо ниже их требований и запретило им бастовать или оказать другое давление на работодателя в течение пяти лет действия нового «колдоговора».³

Другим отрицательным обстоятельством был упадок профсоюзной жизни в университете за предыдущие годы. Это есть общая тенденция профсоюзного движения Квебека за последнюю четверть века, связанная с рядом крупных поражений трудящихся, а также с поворотом многих профсоюзов в сторону стратегии «социального партнерства», основанной на идее общих интересов трудящихся, работодателей и

² Таким образом, университету – убыток, а банкам - прибыль.

³ В Канаде за последние 15-20 лет практически существует запрет на забастовки работников госсектора, хотя на бумаге это право еще существует. Правительство Квебека особенно жестко проводит эту политику, а профсоюзы не смогли отреагировать адекватно. Работники университетов формально не считаются госслужащими и не затронуты указом 2005 года.

государства. Так, в 1966 г. Профсоюз профессоров Квебекского университета, без сколько-нибудь серьёзного сопротивления, пошел на значительные «временные» уступки в связи с правительственным «бюджетным кризисом», большей частью выдуманным для оправдания неолиберального поворота правительства к сбалансированным бюджетам и урезанию налогов, в основном для богатых людей и для корпораций. Лидеры квебекских профсоюзных федераций одобрили эту политику на печально известном «социально-экономическом саммите» с представителями правительства, бизнеса и профсоюзов. (Впоследствии рядовые члены профсоюзов заставили лидеров двух из трех квебекских федераций снять свои подписи с соглашения, но ущерб уже был нанесён.) Президент Профсоюза профессоров Квебекского университета в Монреале объясняла тогда общему собранию, что «мы, безусловно, жили не по средствам». Эти уступки, в частности «временное» повышение среднего количества студентов в классе от 33 до 39 человек (экономия \$6 миллионов в год для государства, но значительное ухудшение условий труда и учебы для преподавателей и студентов), как можно было предвидеть, стали впоследствии постоянными. Последующие коллективные договоры, которые, среди прочего, подняли среднее количество учащихся до 41 человека, были заключены без активного участия рядовых членов профсоюза и не принесли им заметных улучшений.

Неудивительно, поэтому, что большинство членов профсоюза до забастовки недооценивало роли профсоюза в определении своих условий труда и уровня заработной платы. Наоборот, наблюдалась тенденция к солидарности с администрацией. Вялость профсоюзной жизни проявляла себя, среди прочего, в нежелании профессоров брать на себя профсоюзные обязанности, в редком обсуждении профсоюзных дел на собраниях кафедр, в низкой посещаемости профсоюзных собраний, и в тенденции представителей профессоров в различных совместных органах управления игнорировать точку зрения профсоюза. Например, представители профессоров на административном совете проголосовали за губительный проект строительства новой площади, несмотря на открытое и громкое сопротивление ему профсоюза. А со своей стороны, администрация не удосужилась скрыть свое пренебрежение к профсоюзу, не предоставляя ему положенную информацию в установленные сроки, игнорируя мнение профсоюза по важным вопросам, и нарушая пункты колдоговора.

Обстановка накануне забастовки не была совсем беспросветной. Профсоюз пользовался некоторыми значительными преимуществами, которые внесли свой вклад в положительный исход конфликта. Но прежде чем о них говорить, посмотрим на результаты забастовки.

В целом, положительный результат.

Большинство «нормативных» статей нового договора, не требующих дополнительного финансирования, были успешно согласованы еще весной 2008 года. Прин-

ципальное разногласие по этим статьям возникло в связи с требованием ректора изменить статус деканов факультетов. Он хотел их вывести из профсоюза и сделать членами администрации. (Деканы избирались профессорами факультетов и были поэтому подконтрольны им, а не администрации.) Неопределённость судьбы университета из-за его финансового кризиса в связи с авантюрой с недвижимостью не позволяла приступить к обсуждению «денежных» статей нового колдоговора до осени 2008 года. Но после решения этого кризиса профсоюз столкнулся с отказом администрации продолжить переговоры.⁴

Главными финансовыми требованиями союза были повышение заработной платы на 11% в течение трёх лет действия нового колдоговора (с июня 2007 по май 2010 года) с тем, чтобы зарплата достигла уровня остальных монреальских университетов. (Квебекский университет в Монреале на столько же примерно отставал от других монреальских университетов), и нанять еще 300 профессоров, в добавок к 1010 уже работающим.

Среди других финансовых требований были повышение компенсации за дополнительные курсы⁵ до уровня зарплаты лекторов-контрактников; выплаты университетом равной суммы, когда профессор перечисляет заработанные деньги от дополнительных курсов в фонд поддержки аспирантам⁶; повышение оплаты за творческие отпуски с 80 до 90% нормальной зарплаты⁷; выплаты новым профессорам гранта

⁴ Ее отговорки менялись со временем: сначала нужно было ждать, пока новая команда ее переговорщиков не ознакомится с документами; затем потребовался доклад независимого эксперта, сравнивающий условия труда и зарплату профессоров университета с таковыми в других университетах; потом надо было дождаться конца мая и нового пятилетнего бюджета — а это уже носило призрачный характер и невыплаты зарплаты в течение летних месяцев, когда нет занятий. Перед перспективой четырех месяцев без зарплаты большинство профессоров наверно были бы готовы идти на уступки.

⁵ По колдоговору профессор обязан читать в год четыре курса лекций в год по 45 часов каждый — всего 180 часов. (Кроме этого он должен заниматься исследовательской работой и участвовать в управлении или другой общественной деятельности, связанной с университетом). Но он может добровольно взять на себя еще два курса. Контрактным лекторам университет платит \$8,000 за каждый курс, а профессорам он платил только 4,000 за дополнительный курс.

⁶ Деньги от дополнительных курсов профессор может не брать себе, а перечислить в специальный фонд поддержки аспирантам. Эти заработанные деньги тогда не облагаются подоходным налогом.

⁷ Раз в семь лет по колдоговору профессор имеет право на творческий отпуск. Другие университеты платят своим профессорам 100% обычной зарплаты.

равного стоимости двух курсов лекций⁸; и некоторые другие.

В ответ на отказ администрации продолжать переговоры, общее собрание профсоюза решило провести «учебный день» (предупредительную забастовку под другим названием) 16 февраля 2009г. За ним последовало четыре разбросанных дня забастовки (19, 25, 27 февраля и 10 марта), и, наконец, почти шесть полных недель забастовки. С 10 марта представитель Министра образования со статусом заместителя министра непосредственно вел переговоры, отстраняя администрацию университета. Но профессора считали его первое «окончательное предложение» таким презирающим, что его отвергли почти единодушно (91%). После этого переговоры затягивались министерством в течение почти всех остальных шести недель. (Профсоюз даже обратился в Комиссию труда с жалобой на недобросовестное ведение переговоров со стороны работодателя.⁹)

Соглашение, в конце концов одобренное общим собранием, добавит 146 новых профессоров в течение оставшихся трех лет действия колдоговора (до мая 2012 г.). К этому сроку заработная плата увеличится до уровня большинства университетов провинции (не считая возможного повышения заработной платы бюджетников, которое университетские работники должны автоматически получить). Другие завоевания включают единовременную выплату по возвращении на работу в размере 3% от годового дохода; 90% годовой зарплаты в годы профессионального отпуска; повышение компенсации за дополнительные курсы до \$6000. Со своей стороны правительство отказалось от своего требования создать комиссию для проверки степени загрузки профессоров университета. (Это был намек на то, что профессора недостаточно работают). Этот колдоговор будет стоить правительству около 20 миллионов долларов в год - существенная сумма, но несопоставимая с 205 миллионами, выделенными в самый разгар забастовки на реконструкцию монреальского казино.

К успехам забастовки следует отнести и тот факт, что профсоюз заставил правительство (оно, ведь, обладало нужными денежными средствами) вести напрямую с ним переговоры – факт без прецедента в истории университетов – и что ему удалось избежать особого закона (указа) о принудительном прекращении забастовки. И Министр и ее представитель за столом переговоров не раз этим угрожали. Профсоюз смог убедить правительство, что политическая цена такого закона будет для правительства слишком высокой. (Об этом далее).

⁸ Эта мера предназначена для оплаты расходов, связанных с исследовательской работой, например найма ассистента, поездки, покупка книг.

⁹ По закону, если профсоюз официально признан (Для этого большинство наемных работников (но исключая администрации, в том числе и мастеров) должно голосовать за организацию профсоюза (в таком случае все платят взносы, в том числе те, кто не хотел профсоюза), то работодатель обязан проявлять серьезное намерение заключить колдоговор.

С другой стороны, профсоюз принял требование ректора о преобразовании деканов в управленцев. Полномочия и функции деканов должны быть еще установлены паритетной комиссией из представителей профсоюза и администрации, но не ясно, как будет, если комиссия не придет к общему согласию. Администрация представляет свое требование, как меру, отвечающую необходимости децентрализовать управление, приближая его к факультетам. Но многие профессора рассматривает это как первый шаг на пути к уменьшению автономии общих собраний кафедр и к подрыву демократического характера университета, загоняя его в традиционную для других университетов вертикаль подчинения. Другим отрицательным элементом явилось то, что повышение зарплаты начинается только с весны 2009 г., а не с конца срока истекшего колдоговора.

Можно было бы добиться большего, продолжая дальше забастовку? Профком знал из внутренних источников в Национальной ассамблеи (провинциального парламента), что угроза особого закона, по крайней мере, в ближайшем будущем – лишь блеф. Тем временем, каждый дополнительный день забастовки добавлял давление на правительство, ставя семестр под угрозу срыва. Несомненно, бастующие устали, но их усталость не была новой и, тем не менее, подавляющим большинством (91, 91, 90%) они решили три раза подряд продолжать забастовку. Конечно, последнее предложение правительства уменьшило бы число сторонников продолжения забастовки. Но устранило ли бы оно вообще большинство? Надеюсь наверно укрепить решение профессоров, председатель профкома совершила ошибку, представляя предложение продолжить забастовку еще на седьмую неделю, как безусловно последнее такое предложение. Вообще, профком систематически недооценивал решимости рядовых членов профсоюза. В месяцы и недели предшествующие забастовке, он не верил, что их можно поднять на такое боевое действие и он избегал произнести слово «забастовка» на собраниях, чтобы людей не пугать. К тому же, соглашение сторон было предложено на одобрение общему собранию лишь большинством профкома. А меньшинство, которых не устраивало это соглашение, молчало вместо того, чтобы объяснить свою позицию. Но такое объяснение содействовало бы дискуссии о возможности и мудрости продолжения забастовки, чего не случилось.

Как бы то ни было, соглашение было принято на общем собрании 90%-м большинством и оно широко рассматривается как значительная победа.

Но перечень завоеваний был бы неполным без упоминания завоеваний на уровне профсоюзной жизни. Эти завоевания, если они будут укреплены – а это уже новый, очень серьезный вызов профсоюзу - значительно изменят соотношение сил в университете. Забастовка укрепила профсоюзное сознание рядовых членов, сознание общности их интересов, чувство солидарности. Например, общее собрание профессоров сделало условием прекращения своей забастовки заключение приемлемого колдоговора преподавателями языков, небольшой группой, примерно из пятидеся-

ти членов профсоюза, которые заключают отдельный колдоговор. Забастовка также выявила новых профсоюзных активистов, особенно среди молодых профессоров, что должно наконец-то содействовать решению давней проблемы замены старшего поколения, близкого к пенсионному возрасту, но которое из-за отсутствия смены давно стоит во главе профсоюза.

Забастовка также сблизила разные профсоюзы университета. Никогда ещё межсоюзные консультации не были такими дружными. На более конкретном уровне, профессорская забастовка сыграла ключевую роль, позволившую профсоюзу обслуживающего персонала добиться без забастовки удовлетворительного для него соглашения (принятого 98% большинством). Президент этого профсоюза публично отдавал должное «эффекту Профсоюза профессоров». Администрация также показала себя удивительно уступчивой по отношению к требованию профсоюза студентов-кураторов оплатить им за работу, сделанную из-за забастовки после формальной даты истечения их контрактов.

Профессора, безусловно, полевели (надолго ли?) под влиянием забастовки, когда они открыто бросили вызов университетским и государственным властям, отказываясь взять на себя ответственность за кризисы, авторами которых они не были. Это, несомненно, внесло свой вклад в гражданское и политическое образование студентов и других работников университета и укрепило критическое наследие университета, несколько ослабшее за последние годы. Еще предстоит увидеть, сможет ли пример этой забастовки воодушевить профсоюзы бюджетников, которые осенью вступят в переговоры с правительством.

Факторы победы.

Многие факторы способствовали положительному исходу забастовки, но самым главным, без всякого сомнения, был уровень мобилизации и солидарности рядовых бастующих. Ничто не смогло бы компенсировать слабость на этом уровне. На самом деле, вклад других факторов во многом состоял именно в укреплении решимости рядовых членов профсоюза. Большинство голосов за продолжение забастовки росло с 78%, до 85%, до 91%, 91%, 90% - редкое явление в профсоюзной жизни – что однозначно позволяло администрации и правительству убедиться в том, что бастующие будут стоять до конца. Эта решимость также обеспечила поддержку со стороны студентов, представителей оппозиционных партий, других профсоюзов, и известных деятелей науки и искусства.

Отсюда вытекает решающее значение ежедневного, активного участия рядовых участников в действиях забастовки - в различных комитетах¹⁰; в пикетах перед вхо-

¹⁰ Еще до начала забастовки создались комитеты по пикетированию, по выплате пособий бастующим, по внутренней информации (он вел великолеп-

дами - весьма благоприятных местах для дискуссий между коллегами по работе и для укрепления солидарности; в насильственном срыве «летучими отрядами» учебного процесса того меньшинства преподавателей-контрактников, которые, не смотря ни на что, продолжали работать¹¹; в шумных демонстрациях с трубами и свистульками в конце каждой смены пикетирования перед зданием администрации, где велись переговоры; в почти еженедельных общих собраниях, которые обсуждали ход забастовки и принимали решения о ее продолжении; в маршах и демонстрациях всех членов профсоюза, временами вместе со студентами и другими работниками университета; в многочисленных «прогулках» на автобусах к бюро депутатов правящей партии от Монреаля и его окрестностей, в бюро Министра финансов, в Национальную ассамблею; в разнообразных семинарах и дискуссиях, и т.п.

Тут надо отметить, что активное участие в забастовке (велся строгий учет) было условием получения еженедельного пособия в размере \$720, из которых \$500 выделялись из забастовочного фонда профсоюза (и от подарков и займов от других профсоюзов и с течением времени и от банковских кредитов), а \$220 - от федерации профсоюзов. Та часть пособия, полученную от профсоюзного забастовочного фонда, придется постепенно отдавать путем повышения на несколько лет профсоюзных взносов. Пособие от федерации – безвозмездное. Все решения, касающиеся забастовочных пособий, принимались на общих собраниях.

Другим важным фактором успеха было наличие среди профессоров довольно многочисленной группы людей с левыми (социалистическими) взгляды, хотя их численность и их убеждения несколько ослабли с годами. Поскольку правые профессора мало интересовались профсоюзом (они же, как правило, являются самыми яркими индивидуалистами), то состав профкома последних лет был довольно левым. Отсюда твердые позиции профкома по защите демократического характера университета и в пользу решительного отказа работников и студентов от ответственности за последствия кризисов недвижимости и национальной экономики. Эти позиции объединили разбросанных левонастроенных профессоров вокруг профкома, а их поддержка

ный сайт), по внешней информации, по организации мероприятий (маршей, демонстраций, поездок на автобусах к бюро депутатов и в Национальную ассамблею, дискуссий и семинаров, празднования 40-летия университета (в котором, кстати, ректор отказался участвовать)), и другие. Участие в комитетах было добровольным. Комитеты избрали своих председателей. Сам профком занимался в основном переговорами и политической стороной забастовки. Но по вопросам, которые комитеты считали принципиальными, они обращались за согласованием к профкому, как к всеобщему избранному органу профсоюза.

¹¹ По их колдоговору они не обязаны работать и не теряют зарплаты, если условия работы «ненормальные». А тесные пикеты у входов и отсутствие большинства студентов – безусловно, ненормальные условия.

и выступления на делегатских и общих собраниях смогли склонить сомневающееся большинство. Также следует заметить, что профсоюз профессоров не страдает из-за тенденции, наблюдающейся во многих профсоюзах, освобожденных членов руководства держаться за свои кресла, что в свою очередь склоняет их к чрезмерной осторожности и консерватизму. Для профессоров, занимать руководящее место в профсоюзе, даже если это освобождает их от других обязанностей, не считается привилегией, а скорее прерыванием обычно любимой профессии. В результате, в Квебекском университете профессора обычно занимают должности в профкоме¹² из-за искренней приверженности общим интересам своих коллег.

Само проведение забастовки было сугубо демократичным, что является относительной редкостью в профсоюзной жизни. (Забастовка – это ведь своего рода война.) Почти еженедельные общие собрания, информирующие рядовых членов о ходе переговоров, об инициативах профкома, о деятельности и планах различных комитетов, а также принимающие решение о продолжении забастовки, внесли огромный вклад в поддержание решимости забастовщиков. (Но стоит отметить, что общие собрания не особенно поддаются глубинным дискуссиям. Для этого нужны обсуждения в малых группах. В какой-то степени эту роль выполняли беседы на линиях пикета.) Демократический характер профсоюза также позволял более левонастроенным членам исправить иногда слишком осторожные позиции профкома, принятые от преувеличенного страха, что рядовые члены за ним не пойдут.

Постепенное (слишком постепенное по мнению некоторых, включая автора) наращивание мобилизации позволило рядовым участникам, из которых многие первоначально находили идею забастовки довольно странной и даже страшной, укрепить уверенность и смелость. На самом деле начало мобилизации можно связать с ответом профсоюза на кризис недвижимости осенью 2007 года. Лидеры, поддержанные рядом общих собраний, с самого начала однозначно дали понять, что работники и студенты университета не будут платить за безответственность и авантюризм администрации. И, несмотря на постыдную слабость нового ректора, который настаивал на проявлении «ответственности», общее собрание профсоюза единодушно отказалось от урезания университетского бюджета, предложенного внешней бухгалтерской фирмой (кстати, совершенно некомпетентной, но все же высокооплачиваемой из средств погрязшего в долгах университета), нанятой ректором, который от себя предложил еще больше урезать расходы университета. Несмотря на ограниченную мобилизацию рядовых членов на этом этапе - большинство усилий было предпринято профкомом – принятые решения приготовили идеологическую почву для борьбы за новый колдоговор.

¹² Всего 5 человек, все освобожденные, но существует и расширенный профком с представителями факультетов.

4 декабря 2008 г., после принятия правительством на себя долга по недвижимости и выплаты оставшейся части университетского ассигнования, профсоюз развернул кампанию «Десять недель для соглашения» - плакаты, листовки, бюллетени, значки, собрания, визиты делегатского собрания всей массой (около 70 человек) к ректору и к совету администрации. Но профсоюз не обозначил свои действия на случай отсутствия соглашения в назначенный десятидневный срок. Несмотря на нетерпение некоторых членов профсоюза, профком не решался просить у рядовых членов мандата на проведения забастовки, избегая даже произносить это страшное слово на собраниях. Предложение провести первый день забастовки 16 февраля, скромно названный «учебным днем», поступило из зала во время делегатского собрания 23 января, и было принято подавляющим большинством. Это решение было затем подтверждено 29 января на общем собрании большинством в 88% голосов. А в «учебный день» общее собрание большинством в 76% голосов дало профкому мандат на организацию, при необходимости, четырех однодневных забастовок. 10 марта общее собрание уже большинством в 85% голосов дало мандат – всегда «при необходимости» - на первую недельную забастовку, которая была обновлена впоследствии несколько раз до 24 апреля.

Другим важным фактором был «благородный», то есть не «шкурный» характер требований, особенно требования нанять 300 дополнительных профессоров. В сущности, с самого начала кампании профсоюз представлял свой проект нового колдовора как план возрождения университета. Но требование новых вакансий сделало эту претензию особенно правдоподобной. Именно это требование убеждало самих бастующих в своей моральной правоте и тем самым укрепляло их решимость выстоять до победного конца. Оно также содействовало поиску поддержки со стороны, особенно студентами, которые присоединились к забастовке на второй ее неделе (даже консервативные студенты от факультета управления пробастовали неделю, беспрецедентное событие в истории канадских университетов) после того, как суд удовлетворил иск администрации и запретил пикеты, блокирующие вход в университет¹³, а также от оппозиционных партий и культурного и научного сообщества.

Решимость и упорство бастующих, сила внешней поддержки, и очевидная справедливость требований профессоров не позволяли правительству принять особый закон для слома забастовки. Политическая цена была бы слишком высока. С этой точки зрения, профсоюз пользовался тем преимуществом, что немало профессоров имеют связи с политической, культурной и интеллектуальной элитой провинции, поскольку они же сами принадлежат к интеллектуальной элите. Это содействовало и довольно обширному, хотя далеко не всегда благосклонному, освещению забастовки

¹³ Такие иски судьи удовлетворяют почти автоматически – закон на стороне прав частной собственности, а не трудящихся.

в прессе.

Также важно отметить роль членства Профсоюза профессоров Квебекского университета в Федерации национальных профсоюзов (CSN). Это единственный профсоюз профессоров, который входит в общую профсоюзную федерацию, являясь тем самым частью общего движения трудящихся. Это - наследство истоков университета в периоде подъема народной борьбы. (Профсоюз профессоров этого университета был вообще первым профсоюзом профессоров в Канаде.) В течение нескольких лет многие члены задавали вопросы о целесообразности членства в CSN и выплат ей столь высоких членских взносов. Но забастовка дала им убедительный ответ. Помимо политической и финансовой поддержки федерации, трудно преувеличить вклад опытных ее двух советников в процесс переговоров и мобилизации.

Наконец, надо отметить поведение противников - администрации и государства. Соотношение сил противоположных сторон в конфликте всегда несет диалектический характер. Высокомерное, презрительное отношение администрации и правительства - длительный отказ от переговоров; иск, запрещающий эффективное пикетирование; постоянная угроза применения особого закона; первое «окончательное предложение» правительства, настолько оскорбительное, что оно было тут же отвергнуто 91% коллектива профессоров - являлось не только постоянной провокацией, укреплявшей дух бастующих, но и, по-видимому, ослепляло противоположную сторону в возможности частичных уступок, которые могли бы расколоть профессоров и подорвать их мобилизацию.

**Заключение: борьба имеет собственную динамику,
которую трудно оценить, не вступив в неё.**

Статичная оценка, вроде фотографии, соотношения сил за месяцы, предшествующие забастовке, была бы довольно обескураживающей и не отразила бы настоящего потенциала для мобилизации. Она никак не позволила бы предвидеть возможность победы. Это, наверное, один из самых главных уроков забастовки – ключевое значение лидерства в движении трудящихся. Прежде чем решить, что реально возможно, надо сначала вступать в бой. За исключением редких периодов мощного подъема народной борьбы, лидеры профсоюзов, которые по собственным соображениям предпочитают избегать конфронтации, всегда смогут оправдать свой отказ от реальной мобилизации трудящихся, ссылаясь на пассивность последних и на неблагоприятные «объективные» условия.

В связи с этим, лучше всех выразил природу борьбы известный итальянский революционер и марксистский теоретик, Антонио Грамши, человек с богатым опытом практической борьбы трудящихся:

«В действительности, «научно» можно предсказать только борьбу, но не её конкретное развитие, являющееся результатом действия противоположных сил, кото-

рые постоянно меняются и которые ни в коем случае нельзя сводить к фиксированным величинам, потому что в них количество беспрерывно переходит в качество. В действительности, можно предвидеть только по мере того, как мы действуем, по мере применения нашего сознательного усилия, которое тем самым конкретно способствует осуществлению «предвиденного» результата. Таким образом, сам акт предвидения проявляет себя не как действие научного познания, но как абстрактное выражение того усилия, которое мы делаем, как практический способ создания коллективной воли». (Из *Тюремных тетрадей* Грамши)

Качество лидерства (включая его качество у противника), его стратегия, его мудрость, демократичность, и многие другие качества, являются все частью сложного уравнения, в состоянии постоянного изменения, которое составляет соотношение сил. Лидерство, конечно, не может творить чудеса при отсутствии определённых условий. Но его слабость может преградить дорогу к возможным победам. Оттуда значение присутствия левых активистов в профсоюзах и их организации во фракции.

Дело не в поощрении авантюры, а в отказе от стратегии так называемого «социального партнерства», всё больше присутствующей в Квебекском профсоюзном движении с 1980-х годов, и которая основана на идее, что интересы трудящихся и хозяев (начальства) в основном сходятся – обе стороны заинтересованы в успехе «своего» предприятия или учреждения. Эта стратегия не совсем исключает боевых действий со стороны профсоюза, поскольку – так рассуждают эти профсоюзные лидеры – начальство может быть близоруким и не понимать своих истинных интересов. Но, вообще, желательно избегать конфронтации.

Левые (социалисты), которые признают антагонистический характер интересов трудящихся и начальства, и на этой основе большое придадут большое значение соотношению классовых сил, понимают, что борьба, раз она начата, уже следует собственной логике. Включившись в коллективную борьбу, вложив в нее свои силы и надежды, трудящиеся, как правило, не хотят преждевременно от нее отказываться, не испробовав ее реального потенциала. (Это частично объясняет растущее на общих собраниях большинство профессоров, поддерживающих продолжение забастовки.) Начавшись, сама борьба укрепляет солидарность, потому что солидарность становится жизненным условием победы. Забастовка освобождает время для спокойного обсуждения, особенно на линиях пикета, между коллегами из разных отделений учреждения или цехов предприятия о требованиях и перспективах забастовки, о проблемах работы, о социальных и политических вопросах, о жизни. Эта солидарность, это обновленное чувство общности коллег по работе, которых капиталистическое общество и администрация так стараются разделить и заставить конкурировать между собой, являются источником счастья, которое поддерживают волю продолжать борьбу, несмотря на неуверенность и усталость, которые всегда присутствуют при длительных забастовках.

Коллективное утверждение своего достоинства, факт противостояния несправедливой, и часто и тупой власти; вновь обретенная сила влиять на условия, еще вчера казавшиеся «объективными» и поэтому незыблемыми - это источники радости, исходящие из самой борьбы и придающие бастующим смелость подвергать сомнению «здравый смысл» и господствующую идеологию. Все эти факторы, в какой-то мере, занимают свое место рядом с первоначальными требованиями забастовки, как мотивы продолжения борьбы.

Борьба, поэтому, имеет преобразующее воздействие на её участников. (Другой вопрос насколько долго это воздействие продлится. Многое зависит от общих условий в обществе и от возможности и умения профсоюза, его лидеров, продолжать движение вперед после завершения забастовки). Это воздействие, входящее непосредственно в соотношение сил, не может быть предсказано и измерено статичным анализом, проведенным перед началом борьбы.